

КОНТРОЛЕРЫ НА КОРМЛЕНИИ

Вопрос на засыпку: мимо чего у нас муха не пролетит, заяц не проскочит? Правильно: мимо контрольных органов.

Одних центральных государственных надзоров и контролей - страшно сказать - больше сотни. А еще - окружные, районные. Надзирающие за всем и вся: за ценами, санитарными нормами, окружающей средой, мелиорацией земель, маломерными судами, статистической отчетностью, собственной безопасностью, соблюдением бюджетного, финансового и иного законодательства... Словом, куда ни ткни, неминуемо ткнешь в контролера с грозным мандатом.

И вот на фоне такого, говоря на демократическом сленге, тоталитарного контроля чуть ли не ежедневно и ежечасно происходят воистину дивные вещи. Нет, речь не о банальных хищениях государственных средств, невесть где пропадают зарплатах учителей или безлицензионной

вырубке лесов. К подобным делам мы давно привыкли и начинаем проявлять возмущение лишь тогда, когда на них попадаете лишь какое-нибудь высшее должностное лицо - скажем, губернатор Тверской области.

Изумление вызывают факты, которых по определению быть не должно. Недавно, к примеру, не где-нибудь в степях, а в Домодедовском районе ближнего Подмосковья - всего в нескольких десятках километрах от грозного контрольного ведомства, занимающегося борьбой с распространением наркотиков, - была обнаружена... 6-гектарная плантация конопли. Вымахала эта «дурь» аж на 3 метра в высоту. Ибо домодедовские «селекционеры» растили ее на специально завезенном черноземе, для коего, ясно, потребовался не один десяток КамАЗов. Если бы не бдительность случайно натолкнувшегося на конопляное поле местного милиционера-грибника, не сегодня завтра огромная партия высококачественного сырья появилась бы на наркотическом рынке Москвы. Теперь, наверное, бдительного милиционера-грибника отметят благодарно-

стью в приказе. Может быть, наградят даже именными часами. Однако на дальнейшей карьере в том же Домодедовском районе он почти наверняка может ставить крест. Ведь трудно поверить, что о существовании столь заметной, сулящей огромные барыши плантации не знали контролеры рангом повыше...

Или последний случай. 30 сентября Моссоблюд возвратился к делу годичной давности о поставках в разные страны (Румынию, Польшу, Великобританию и др.) около 2 центнеров кокаина и 9 тонн мандракса - синтетического психотропного препарата, сходного по действию с героином. Опять же неясно, как могли наладить преступники такую масштабную контрабанду... 1996 года, как основная база по производству мандракса оказалась на крупнейшем складе в Мытищах. Правоохранительные органы вышли на преступников тоже случайно.

Столь же очевидно, что не могла быть доставлена из Приморья в Москву втайне от работников надзорных органов партия контрабандной красной икры в 100 тонн, арестованная недавно оперативниками

столицы. Как и в случае с массовым сбытом просроченных продуктов в одном из районов ВАО, о чем «МС» сообщила весной нынешнего года.

В петровские времена бытовало выражение «назначенец на кормление». Употреблялось оно в отношении должностных лиц, отправляющихся для исполнения управленческих или ревизорских функций в различные районы страны. Подразумевалось, что уж о своем-то кармане таковые назначенцы сумеют позаботиться. Очень похоже, что не худо это умеют делать и нынешние ревизоры.

Кое-какие прикидки на сей счет может сделать любой из нас - достаточно разругать прокатиться в пригородной электричке. Как известно, в последнее время железнодорожное начальство объявило войну зайцам. На вокзалах установлены мощные заградительные турникеты, в СМИ регулярно передается информация о штрафах, якобы взимаемых с безбилетников.

Но вот типичная картина. По вагону быстро движется два контролера, мельком заглядывающие в проездные документы пассажиров. При этом они, как фокусники,

ловко манипулируют пальцами, выхватывая заранее приготовленные десятки у небогатых граждан. В минувшее воскресенье, не поленившись, я подсчитал, что только в одном вагоне на савеловском направлении за несколько минут в карманах ревизоров оказались 11 таких десятков. По одной в минуту! Помножьте на число вагонов, поездов, на остальные направления - ленинградское, ярославское, казанское, курское, рижское, павелецкое... Всего на МЖД в руки ревизоров пригородных электричек попадает бурный денежный поток почти на 15 миллионов рублей в месяц. Мимо государственной кассы!

Не буду чохом обвинять всех представителей всех надзорных органов. Но нечто подобное, смею утверждать, происходит и на других ревизорских «фронтах», где вдобавок в ходу не только потрепаные десятки. Иначе почему в заповедных местах и природных заказниках Подмосковья продолжают вырастать настоящие замки? Отчего на стройплощадках, где ежегодно около 200 тысяч рабочих получают травмы, ни один руководитель предприятия не привлечен к уголовной ответственности за вопиющие нарушения техники безопасности? Перечень подобного рода примеров читателя, думаю, без труда могут продолжить...

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Ко мне приехал друг родом из Таджикистана. Но приехал не из Душанбе, а из российского города Сланцы Ленинградской области, где он последнее время работал, а точнее - выживал. Радость великая! Не виделись мы 20 лет, а сегодня я могу сказать другу, как он говаривал мне прежде: «Мой дом - твой дом».

КО МНЕ ПРИЕХАЛ ДРУГ...

Но ликовал я напрасно. Предстояло пройти еще местный ОВИР. Я уговаривал друга: «Ну зачем тебе ОВИР? Ты легальный человек, все миграционные документы на тебя оформлены. Сланцы - российский город, Москва - тоже... Что за проблема?»

Но Фатхулло Буриев - законопослушный человек. Раз положено регистрироваться в три дня, значит, так надо. Пошли в ЖЭК, взяли необходимые документы для регистрации. Потом ОВИР... и выяснилось, что нужно стоять в длиннющей очереди не только иностранным гражданам СНГ, но и своим родственникам, приехавшим в гости.

Мы простояли в очереди полдня, а продвинулись ровно на два человека. Трудно было даже предположить, когда подойдет наша - 274-я. Оказалось, ежедневно в час дня проходит перекличка очередников. Приподзал, задержался где-нибудь - вылетает из очереди. Женщина, которая записывала нас, еле стояла на ногах - ожидала своей очереди три недели и на день нашего прихода была тридцать седьмой. Не хочешь и не можешь стоять - плати. Тебя в очереди даже не увидят. Кому-то нужен такой «подарок»?..

Мы пытались выяснить у начальника паспортного стола - майора, нужно нам регистрироваться или нет. Он улыбаясь направил нас - куда бы вы думали? - в ОВИР! Ничего не ска-

зал, ничего не выдал - как партизан! Другу ничего не оставалось, как становиться в хвост очереди в ОВИР.

Отдел виз и регистрации - это квота. Сколько иностранцев может принять Россия? Несколько десятков тысяч. Но их у нас миллионы. Значит, они - по воле обстоятельств - нелегалы. А таким, как Буриев - легальным, - всяческие препоны! Ведь если попадетс - значит, платить штраф? А может быть, депортация...

Хочу сразу оговориться: ОВИР не во всем виноват. Худо-бедно, но очередь продвигается. А вот наше достославное правительство, кроме выдачи квот за годы своего достославного правления, ничего придумать так и не смогло.

Между тем Фатхулло Буриев по образованию инженер-механик по станкам, инструменту, металлам. А по существу - мастер на все руки. Может полы настелить, компьютерную технику исправить, превосходный плов сварить, уборку сделать. Представьте себе, этот человек преклонного уже возраста отжимается от земли 120 раз! А вам слабо?

В Москве море работы для таких, как он. А тут ОВИР...

Кто же поможет этому достойному человеку, как и другим, вся вина которых - в том, что их умения не востребованы?

Владимир ХРУСТАЛЕВ

КТО ХОЗЯИН В ПЕРЕХОДЕ?

В полумраке громко звучит тягучая восточная мелодия. Вдоль стены развешаны цветастые полотенца, на деревянных ящиках - сомнительного качества парфюмерия. Под ногами на разорванных картонных коробках - нижнее белье, спортивные костюмы, обувь, посуда... Продавцы привычно подбадривают покупателей: «Кто сальца забыл купить?», «Женщина, берите косметику - отличный подарок!», «Конфеты, чай, кофе недорого...»

Э то не описание какого-то столичного рынка (хотя легальный, цивилизованный рынок всего-то метрах в ста). В данном случае речь идет о подземном переходе, превращенном не санкционированными корабейниками в уродливую карикатуру на рыночную торговлю.

Переход расположен под Велозаводской улицей и соединяет дом № 11 с бульваром, тянущимся от станции метро «Автозаводская» вдоль улицы с тем же названием. Здесь уже несколько лет размещаются торговые ряды. Прилавками служат газеты, куски фанеры, подбанные на помойке столы... Электричество тоже свое: корабейники «запитываются» от осветительных ламп перехода.

Лица многих продавцов я уже хорошо знаю - они торгуют здесь не первый год. Знакомы корабейники и милиции. Недавно я столкнулся с капитаном в милицмейской форме, торпливо поднимающимся по ступенькам подземного перехода.

Скажите, пожалуйста, - обратился я к служивому, у которого, вероятно, был свой интерес на «рынке», -

кто хозяин территории подземного перехода?

- А что случилось?
- Разве тут торговля разрешена?
- Знаем, - махнул рукой милиционер, - сколько уж мы боролись, штрафовали, гоняли... Не помогает, все равно устраивают лотки. Да и кому они мешают? А хозяина у перехода как бы и нет, - капитан сделал паузу и пояснил: - он на стыке округов - Южного и Юго-Восточного. Вроде как ничей...

Капитан решил, что удовлетворил мое любопытство, и сел в «жигули» с надписью «УВД ЮАО» на двери. Машина лихо развернулась на бульваре и умчалась в сторону метро...

Я взглянул на карту Москвы, где обозначена территория ответственности каждого отделения милиции. Переход попадает аккурат на стык ОВД «Южнопортовый» и ОВД «Донской». Я слышал о том, что найденный на границе двух отделений милиции (извините за прозу жизни) труп или утопленник может стать на некоторое время «ничим». Пока, разумеется, в дело не вмешается прокуратура или высокое милицмейское начальство. Оно и понятно, лишний «висяк» нико-

му не нужен. Но чтобы борьбу с нарушениями в сфере торговли спихивали друг на друга, такого не припомню. Тут скорее, как говаривал Глеб Жеглов, «любовь с интересом»...

Подземный переход расположен в оживленном месте. Он ведет к Велозаводскому рынку - самому крупному торговому центру во всей округе. По переходу ежедневно идут к метро и обратно жители густонаселенного микрорайона, школьники и учащиеся расположенного рядом колледжа, офицеры и члены их семей, проживающие в военном городке за рынком. Так что «подземная» торговля идет бойко, даже залежалый товар находит своего покупателя.

Понятно, что можно торговать и на Велозаводском рынке. Но тогда придется платить за место, проверять качество продуктов питания в соответствующих службах, приносить справки о регистрации... Зачем же такие хлопоты, если можно разложить товар в подземелье? Правда, в этом случае нужно подмазать кого следует. Но, похоже, все вопросы улаживаются быстро. И за гораздо меньшие деньги.

Николай МОДЕСТОВ

НЕПРИЛИЧНОЕ СЛОВО

У соседей во всех домах один и тот же джентльменский набор вежливости: поздороваться при встрече, обменяться новостями, помочь женщине донести тяжелую сумку до лифта, а входя в лифт, не спрашивать: «Вам какой этаж?» - помнить. «Все счастливые семьи...» Поставьте вместо «семьи» - «подъезды», и это будет тоже верно. Разве вежливость - не есть соседское счастье?

Таким был и этот подъезд. И вдруг все кончилось. Случилось это после того как старые стены вдруг засияли нежным, весенне-голубым цветом - сделали ремонт. Но радость жильцов продолжалась недолго. Нашелся какой-то отморозок, оставивший на стене свой автограф.

Возмущению, конечно, не было предела. Но - терпели. Никто не взял тряпку и не уничтожил смущающие сло-

ва. Почему? Трудно сказать. Бесстыжая и наглая фраза как бы бросала вызов всем, кто проходил мимо. Но никто вызова не принимал. А потому надпись стала хозяйкой в подъезде. Она диктовала условия, уничтожая то бедное, бесхитростное, но вместе с тем приятное общение, которое когда-то объединяло жителей. Ведь задержись люди, обменяйся парой слов - надпись каким-то образом непременно окажется участни-

ком разговора, третьим собеседником. Лучше уж ее не замечать - скорей из оскверненного холла.

Сколько времени это продолжалось? Немного. Неделю, от силы две. А потом надпись исчезла - так же неожиданно, как и появилась. То ли уборщице надоело, то ли все-таки кто-то из жильцов не выдержал и, спустившись поздно вечером, соскочил непристойные слова. Короче, в одно прекрасное утро стена стала вновь безгрешной, засияв, как и прежде. Забыть бы теперь все, как кошмарный сон, снова улыбнуться друг другу. Не получалось. Что-то надломилось в людях. В общении появилась неловкость, а еще - необъяснимое чувство вины. Прежние отношения не восстанавливались. Да и когда говорить? Эти шуруры на ботинках и почтовые ящики - вечная с ними морока...

Иван ГАВРИКОВ